

ВРЕМЯ И МЕСТО

Женщина с синним платочком

Как Клавдия Шульженко отказалась петь перед Сталиным

Кристина Рудык

Голос певицы Клавдии Шульженко звучал по всей стране. Ее слушали солдаты и матросы на всех фронтах Великой Отечественной войны. В мирное время ей аплодировали шахтеры и целинники, строители и ткачи. Ее талантом восхищались Шостакович и Дунаевский, Зыкина и Райкин. Она была звездой советской эстрады и народным кумиром.

«Подыграй-ка ей, Дуня»

Родилась будущая легенда советской эстрады сто лет назад, 24 марта 1906 года.

Музыка с детства вошла в ее жизнь. Отец, харьковский бухгалтер, играл в самодельном духовом оркестре, иногда пел в любительских концертах. Именно он первым познакомил дочь с народными русскими и украинскими песнями и с городскими романами. Однажды, напевая дома «Снился мне сад в подвечном уборе», девочка услышала аплодисменты и восторженные крики соседей, которые собрались под окнами и просили спеть еще. Клава не постеснялась и исполнила романс «По старой калужской дороге».

Одобрение родственников и знакомых вдохновило шестнадцатилетнюю Клавдию на довольно смелый поступок. В 1923 году девушка пришла в Харьковский драматический театр, которым тогда руководил Николай Синельников, и бодро предложила вступить в труппу.

На вопрос Синельникова, что же она умеет, Клава решительно ответила: «Петь, танцевать и декламировать!». Юная круглолицая девушка с косичками «корзиночкой» в нарядном малиновом тафтяном платье очаровала великого режиссера. «Подыграй-ка ей, Дуня, а подруги» — обратился он к Ивану Дунаевскому, вандовавшему музыкальной частью театра. И девушка задела, но всех сил вамахиными руками, чтобы походить на свою любимую актрису Надежду Плевицкую. Музыкальный талант и детская непосредственность Клавы сделали свое дело — в труппу ее взяли. И мама впервые не ругала за платье.

Попасть в труппу Синельникова считалось большой удачей для начинающего актера. Это был один из лучших театральных коллективов периферии. Еще до революции в театральной среде сложился афоризм: «В императорском училище — школа, у Синельникова — университет». Учеба в Харьковском театре была путевкой в большую эстраду.

Несколько лет Шульженко проработала в театре, но, выступая в основном в массовках и хоре. По рекомендации Синельникова она начинает заниматься вокалом с профессором Харьковской консерватории Чемизовым. И очень скоро становится постоянной участницей спектаклей-дивертисментов, которые регулярно устраивались в

Однажды Шульженко пришлось выступать в кузове грузовика с откинутыми бортами.

Фото из книги «Музыка наших дней»

театре. Все чаще ее приглашают выступать в клубах, все больше ее начинают признавать харьковская публика.

Она пела о любви, а не о комсомоле

Хотя драматической актрисой Шульженко так и не стала, работа в Харьковском театре прошла бесследно. Ее актерские

способности проявились в эстрадном песенном жанре, где ей удавалось все: лирика, юмор, танец, актерская игра.

Истинное признание у публики пришло к Шульженко в Ленинграде, куда она уехала однажды и которому в результате отдала полжизни. Весной 1928 года ее пригласили в качестве

эстрадной певицы выступить

на концерте, посвященном Дню печати, на сцене Мариинского театра. Буквально за один вечер имя Клавдии Шульженко стало известным. На «бис» вызывали трижды. Посыпались предложения выступать. И зритель шел уже «на Шульженко», только «на Шульженко».

В 1929 году она становится солисткой Ленинградской эс-

трады и выступает в Московском мюзик-холле. Одна за другой выходят пластинки, которые распродаются тысячами. Казалось, не было и дома, где бы не звучали ее «Челита», «Распрягайте, хлопцы, коней!», «Записка», «Гренада», «Кирпичики», «Дядя Ваня», «От края до края», «Портрет».

Шульженко не обладала уникальной внешностью и сверхъестественным голосом, слова ее песен были на удивление просты. Зато ее исполнение отличалось безупречным вкусом и неподдельная искренность. В репертуаре Шульженко никогда не было случайных песен — певица исполняла только то, что было созвучно ее мировосприятию. Она пела о любви, но ее песни не были песнями упадка, тоски и печали, а зажигательные джазовые мелодии придавали им ритмичность. Для каждой песни Шульженко искала свои интонации, избегая надрыда и раздражающей сентиментальности. Во всем такт и чувство меры. Песни Шульженко подкупали своим оптимизмом и новизной, их хотелось слушать и подпевать. Интересно, что попытки других артистов исполнить песни из репертуара Шульженко заканчивались провалом. За исключением, пожалуй, Аллы Пугачевой, которая никогда не задавалась целью копировать певицу, а исполняла ее песни в собственной манере.

В то время как вся страна подпевала Шульженко, советские критики негодовали: «сомнительный репертуар», «печерашний день», «интернациональная экзотика», «чепуха как-то».

Вопреки мнению критики Шульженко продолжает выступать и в 1939 году становится лауреатом Всесоюзного конкурса эстрады. В жюри конкурса, которое возглавлял Дунаевский, входили Михаил Зощенко, Игорь Моисеев, Леонид Утесов и многие другие.

Джаз с Коралли

В конце 30-х из Одессы в Ленинград приехал веселый, обаятельный конферансье-куплетист Владимир Коралли. Все эстрадные певицы сразу же в него влюбились.

Шульженко и Коралли встретились случайно в вагоне поезда. Оба ехали в Нижний Новгород, куда были приглашены участвовать в мюзик-холле. В скромной, по словам Коралли, меланхоличной девушке он узнал молодую певицу и тотчас влюбился. Вспыхнул роман, шумный, стремительный.

У Шульженко в то время был жених, поэт Иван Григорьев, который, однако, не стал помехой для «куплетиста из Одессы». Однажды, после очередного концерта в Ленинграде, когда Шульженко собиралась уходить в сопровождении жениха, появился Коралли. Увидев свою возлюбленную с другим, Коралли выхватил браунинг и жених, бросив невесту, исчез в мгновение ока. Григорьев больше так и

не появился. Шульженко же согласилась стать женой Коралли.

Браку Шульженко и Коралли препятствовала и мама Коралли, мадам Кемпер. Считая всех эстрадных певиц ветренными и сумасбродными, она не хотела, чтобы ее сын женился на одной из них, да еще и не еврейского происхождения: «Что скажут предки?» Но маме и предкам пришлось уступить — свадьба состоялась.

Коралли и Шульженко прожили вместе 25 лет. У них родился сын Юша, которого родители таскали с собой по концертам и командировкам — можно сказать, за кулисами и вырос.

В совместной жизни Шульженко и Коралли были и ревность и измены, зато в творчестве — полное взаимопонимание и поддержка. В середине 30-х годов супруги создают свой джаз-бэнд. Тогда все были влюблены в джаз, и ансамбль, гастролирующий по стране, пользовался огромной популярностью.

Вести о наступлении войны застали джаз-бэнд на гастролях в Ереване. Шульженко и Коралли тут же вернулись в Ленинград и добровольно вступили в ряды действующей армии.

Джаз-бэнд распался — Шульженко продолжила выступать.

Грузовик — тоже сцена

В естественной площадке становились прифронтовая землянка, форты Кронштадта, больничная палата, деревянный сарай, поле аэродрома, лесная опушка. Но в любых условиях она появлялась на публике в концертном платье и туфлях на каблучках.

Однажды Шульженко пришлось выступать в кузове грузовика с откинутыми бортами. Концертное платье пришлось надевать в кабине, а когда артистка залезла на «сцену», сломала каблук. Концерт давала под баян, стоя на цыпочках. Во время выступления произошел несчастный случай. Ударил зенитки, раздался взрыв. Певицу буквально толкнули вниз, и кто-то прижал шинелью к земле. Когда дали отбой, Шульженко поднялась, отряхнулась и допела концерт. Но уже без туфель.

Это лишь эпизод из биографии Шульженко, таких концертов было множество: только за 1942 год — более 500. Солдаты отвечали ей благодарностью: писали письма, хранили ее фотографии и пластинки, дарили цветы. А в военное время их можно было достать только на

нейтральной полосе с автоматом в руках.

Самая известная песня Шульженко, «Синий платочек», появилась в репертуаре певицы именно в военные годы. До войны это был салонный романс, слова которого — переложение польского стихотворения. «Синий платочек» исполняли многие, но Шульженко категорически отказывалась, пока во время очередного концерта на передовой к ней не подошел лейтенант Миша Максимов и не предложил для песни новые слова. «Синий платочек» на слова Миши Максимова в исполнении Клавдии Шульженко стал «лирическим гимном» войны.

В 1942 году Клавдия Шульженко была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а в 1945-м получила звание заслуженной артистки РСФСР.

Как испортить отношения с властью

В конце 40-х годов певица продолжает быть фантастически популярна. Тираж ее пластинок достигает 170 миллионов экземпляров (сегодня альбом считается платиновым, если расходится тиражом 1 миллион экземпляров).

Ей позвонили и сказали, что она должна будет выступать в Кремле, на что певица ответила, что ей слишком поздно сообщили и у нее уже есть планы на этот вечер: «По Конституции я тоже имею право на отдых!»

Голос Шульженко становится символом эпохи Великой Отечественной войны, его часто используют, чтобы обозначить время в художественных и документальных фильмах. Но попытки певицы сыграть в кино не удались: терял контакт со зрителем, она терпится сама.

В какой-то момент у Шульженко портятся отношения с властью. «Непонятно, какое отношение к нашей жизнерадостной, неутомимой молодежи, готовой к борьбе и преодолению трудностей, может иметь ноющая музыка», — писали газеты. Ее обвиняют в мешающем и пытаются навязать свой репертуар. Но исполнять лафосные советские песни Шульженко так и не стала. Она пела о любви, а не о комсомоле и партии, вероятно, поэтому и звание народной артистки СССР получила лишь на закате своей карьеры, в 1971 году.

31 декабря 1952 года Шульженко отказывается петь на новогоднем концерте перед Сталиным. Накануне, 30 декабря, ей позвонили и сказали, что она должна будет выступать в Кремле, на что певица ответила, что ей слишком поздно сообщили и у нее уже есть планы на этот вечер: «По Конституции, я тоже имею право на отдых!» Лишь

скорая смерть вождя спасает ее от неминуемого наказания.

Коллекция из трех платьев

Шульженко не привыкла себе в чем-то отказывать: французские духи, платья от модных дизайнеров, столовое серебро «Фраже», клубника из Елисеевского. Когда ее любимых конфет «Чернослив в шоколаде» не было в магазине, певица поехала с концертом на кондитерскую фабрику. Но она буквально нищенствует на закате жизни. Пенсии в 270 рублей не хватает на тот образ жизни, к которому артистка привыкла, — она вынуждена распродавать антиквариат.

От Шульженко уходит костюмерша. Ее пианист, Борис Мандрус, все чаще аккомпанирует другим артистам, распевавшись приходит в дома под пластинки.

Внезапный роман с кинооператором Григорием Епифанцевым оставляет ее и без квартиры. Возлюбленный был на 12 лет ее моложе... И она, как девочка, бросила все и ушла к нему. Ничего не вышло, расстались. «Не могу объяснить, что это было за наваждение... — вспоминает певи-

ца. — Ясно одно, избалованная была, самовлюбленная... Но... за все надо платить». Коралли обещает жену и наем, равняется квартиру, и Шульженко остается в 17-метровой комнате коммуналки. Четверть комнаты занимает ее знаменитый рояль «от Шостаковича».

Чтобы получить новую квартиру, она обращается к министру культуры Фурцевой. Шульженко отказывается ждать в приемной и через некоторое время врывается в кабинет Фурцевой со словами: «Мадам, вы плохо воспитаны!»

Из приемной Фурцевой она ушла без квартиры, но уход со сцены Клавдии Шульженко удался. В 1976 году на последнем юбилейном концерте в Колонном зале Дома союзов народная артистка СССР исполнила свои лучшие песни военных лет по заказу благодарных слушателей из зрительного зала. Для концерта Вячеслав Зайцев подарил Клавдии Ивановне коллекцию из трех платьев: романтическое серое, женственное голубое, ослепительное алое. «Уходить надо красиво, это как в песне — последний аккорд. Он особенно запоминается».

Через 8 лет Шульженко умерла, и в день ее похорон светило солнце.